

The background of the cover is a digital illustration of a young man and woman in a romantic embrace on a city street at night. The man, on the left, has dark hair and is wearing a black leather jacket with a patch on the sleeve. The woman, on the right, has long dark hair and is also wearing a black leather jacket. They are looking down at each other. The scene is lit with a warm, reddish-orange glow from streetlights and building windows, contrasting with the cool blue of the twilight sky. In the background, there are city buildings and a red car parked on the street.

Мери Ли

КВЕНТА.
Финал

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Квента

Мери Ли
Квента. Финал

«Автор»

2021

Мери Ли

Квента. Финал / Мери Ли — «Автор», 2021 — (Квента)

ISBN 978-5-532-91492-6

Продолжение истории Джорджины Джонс. Она пыталась спасти того, кто отныне вынужден причинять ей боль. Теперь они по разные стороны баррикад. Но рядом всегда есть кто-то третий - тот, кто долгое время скрывал свои чувства и эмоции. Тот, кто открыл своё сердце в один из самых патовых моментов. Выберутся ли персонажи из лабиринтов сумасшедшего фанатика? Преодолеют ли разногласия? Обретут ли любовь и семью... Заключительная часть трилогии Квента. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-91492-6

© Мери Ли, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	15
Глава пятая	22
Глава шестая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мери Ли

Квента. Финал

Глава первая

Открыв глаза, я сразу понимаю, где нахожусь – в капсуле, идентичной той, в которой я оставила Рэя больше месяца назад. Стекло находится на расстоянии сорока сантиметров от моего лица, и оно не покрыто морозными узорами. Стекло кристально чистое, на нем нет ни единого пятнышка или пылинки. Чувствую себя бабочкой на иголке, которая наблюдает за миром из своего плена, придуманного людьми садистами.

Со мной что-то сделали. Тело налито свинцом. Оно безумно тяжелое. Пытаюсь поднять руки и оттолкнуть крышку капсулы, но конечности поднимаются на пять сантиметров и тяжелым грузом падают обратно. Во рту сухо как в пустыне. Голова немного ватная. Никогда не страдала клаустрофобией, но имею все шансы испытать довлеющее чувство на себе прямо сейчас. Облизываю пересохшие губы и пытаюсь кого-то позвать. Кого угодно, хоть самого дьявола, лишь бы меня вынули отсюда.

– Помо-моги...те мне.

Звук настолько тихий, что я сама едва его слышу.

Я – живой мертвец в гробу. В дорогом стеклянном гробу. По бокам от меня белый пластик или какой-то другой материал. Он закрывает обзор, и я вижу только потолок. Ничем не примечательный белый потолок. Предприняв ещё несколько попыток поднять руки, решаю смириться и просто смотреть. Пытаюсь найти хоть один изъян в покрытии потолка или в стекле капсулы, но всё идеально. Моему вниманию даже не за что зацепиться, чтобы не думать о том, в какой заднице я оказалась.

Ненавижу белый цвет. Он навсегда будет главной ассоциацией с Дэвидом Дельгадо. Ни его опыты, ни его фанатизм, ни даже смерти людей, погибших по его вине, а именно – белый цвет.

Говорят, белый – символ чистоты и невинности. Какая глупость. За атрибутами невинности очень легко спрятать даже самую гнилую и отвратительную личность. Пара милых улыбок, светлая одежда и открытый взгляд могут засосать вас в пучину маньяка, а когда вы почувствуете себя бабочкой на игле, будет слишком поздно. И когда вы поймете свою ошибку – людям нельзя верить, не сдавайтесь, не опускайте руки, как сейчас это делаю я.

В голове проплывают мысли: "Прекрати бороться", "Всё потеряно", "Ты ничего не можешь изменить", "Ты виновна", "Из-за тебя страдают люди – Рэй, Гаррет, Джервис, дядя... этот список непомерно длинный, не хватит и недели, чтобы дойти до конца". Пытаюсь отмахнуться от гнетущих мыслей, прогоняя их словно стайку мелких рыб. Но стоит им отплыть на метр, они тут же возвращаются и накидываются на меня с новой силой изголодавшихся пираний.

После всего что я сделала, я не имею права сдаваться. Я натворила слишком многое, совершала ужасные поступки. А теперь сдаюсь?

Может у меня ещё будет возможность искупить свои грехи?

Возможно, только ради этого стоит жить и бороться.

Пытаюсь выбраться из омута пессимизма, и с головой бросаюсь в пучину ярости. Сейчас именно она мой лучший друг.

Злость на Доктора поможет мне переключиться.

Что он сделал с Рэем? В кого он его превратил?

По своей воле Рэй не сделал бы мне больно. Никогда. Возможно, вы скажете, что это глупо, но единственное, в чем я уверена на сто процентов, – Рэй не обидел бы меня без веских причин. Доказательство этому Куб. Все его действия были направлены на спасение брата, значит и сейчас есть мотив для того, что он сделал в нашу последнюю встречу.

Очередная попытка поднять руку провалена. Как и ещё одна. И ещё, и ещё. Что сделали с моим телом? Почему оно такое тяжелое и неподъёмное?

Сколько времени я нахожусь здесь? Здесь – это где? Где Рэй? Что случилось с Гарретом? Улетели ли Олли и Джервис?

Множество вопросов.

Ответ один – я не знаю.

Время идет. Оно убегает от меня, наполняя голову ужасными картинками дальнейших событий. Не знаю, для чего я нужна Доктору, но уверена, что не для утренних посиделок за чашечкой душистого кофе. Он сделает со мной что-то ужасное. Что-то такое, отчего я буду молить его о пощаде или о смерти.

– Джорджина, – женский голос выводит меня из мыслей и заставляет насторожиться, – моё имя Джудит. – продолжает она, я не вижу того, кто разговаривает со мной, но могу распознать, что голос Джудит звучит так, словно она успокаивает взбесившееся животное – монотонно, спокойно, гипнотически. – Сейчас я открою капсулу и помогу тебе выбраться, но я должна понимать, что мне не грозит опасность с твоей стороны.

Какая от меня может быть опасность? Она что, издевается? Сейчас я даже муху прихлопнуть не в силах. Но я не могу гарантировать, что как только физическое функционирование вернется ко мне, я им не воспользуюсь.

Оставаться здесь нет ни малейшего желания, каждую секунду мне кажется, что морозные узоры начнут разбегаться по стеклу, а меня введут в кому. Ведь именно из комы люди попадают в Куб. Так говорил Дельгадо-старший, а у меня нет причин не доверять ему в этом. Тем более он обещал постараться спасти Рэя и сделал это, а его убогодочный сынок превратил Рэйлана во что-то жуткое и чужое. Во что-то такое, с чем я не собираюсь мириться.

– Договорились? – спрашивает девушка или женщина. Капсула искажает её голос, даже примерно не могу распознать сколько ей лет.

Моих сил хватает на то, чтобы прикрыть веки, видимо, Джудит решила – это знак согласия. С тихим стоном стеклянная крышка поднимается вверх и отодвигается в сторону. Распахиваю веки и глубоко вдыхаю "свежий" воздух. Девушка склоняется надо мной, на вид ей не больше тридцати. Темные волосы собраны в пучок, несколько прядей спадают на худое миловидное лицо, карие глаза прожигают меня сочувствием. Я физически ощущаю как ей жаль меня. Мне тоже себя жаль, но она не имеет никакого права считать меня слабой и немощной. Я не такая.

В данную минуту, возможно, и такая, но не всегда.

Жалость – одно из самых отвратительных чувств. Кто-то пользуется им, чтобы добиться своих целей. Кто-то использует, как инструмент для манипуляции. Кто-то просто любит быть жертвой, принимая жалость с распростертыми объятиями и даже не старается ничего изменить. И нет ни одного случая, когда жалость была бы уместна, она отвратительна, как тухлое яйцо, которое Джудит мне сейчас преподносит. Чувствуя отвратительный запах жалости, морщусь и сжимаю зубы.

Рядом с лицом девушки появляются ещё два. Это мужчины, они выше Джудит как минимум на голову, по их плечам могу судить, что они не хилые слабаки.

Девушка прикладывает свою ладонь к моему лбу и, поджимая губы, сокрушительно качает головой. Отстраняется от меня, так что я её больше не вижу, но слышу.

– Её нужно уложить на кровать. – стоит этим словам повиснуть в воздухе, как мужские руки довольно небрежно хватают меня за руки и за ноги. – Дэни, Роджер, пожалуйста, аккуратнее.

Суки! Пока я разлепляю губы, чтобы пообещать им ужасную кару за то, что они несут меня как мешок картошки, хватка на моих конечностях пропадает. Так и не успев сказать ни слова, оказываюсь на мягкой поверхности кровати.

Мужчины отступают от меня на шаг назад, и тут я понимаю, что нахожусь в аквариуме. Теперь я вижу, что комната стеклянная. Аллегория с бабочкой становится более яркой. Клаустрофобия более ощутимой.

– Сейчас я поставлю тебе укол, и ты немного поспишь. – говорит Джудит.

– Не-е-ет. – еле выговариваю я. Издаваемый мною звук настолько противный, словно патефон заел пластинку, и она жалобно пищит, молит о помощи, просит отключить аппарат.

Девушка хмурит брови, и в её руке я уже вижу шприц с прозрачной жидкостью.

– Извини, но тебе нужно прийти в себя. Твой организм истощен, и ему нужен здоровый сон. Ты проснешься уже через пару часов и будешь чувствовать себя гораздо лучше.

Глубоко вздыхаю. Я не в силах ей противостоять. Будь как будет. Мне нужны силы для... для чего? Подумаю об этом через пару часов.

Укол в вену, и миловидное лицо Джудит начинает прыгать перед глазами. Она печально улыбается мне и укрывает белым-твою-мать-одеялом.

Глава вторая

Открываю глаза уже в обычной комнате. Точнее, в комнате, которую мы с Рэем занимали в доме Дельгадо-старшего. Боясь пошевелиться, хаотично осматриваюсь – всё осталось неизменным.

Что происходит? Как я здесь оказалась?

Воспоминания об аквариуме слишком свежи, я не могу откинуть их или забыть. Я четко помню девушку – Джудит и двоих громил, капсулу и постель.

Встаю с кровати и как можно тише продвигаюсь к единственному источнику шума. К ванной комнате. Звук быстро падающей воды немного меняется, и я понимаю, что в душе кто-то есть. Этот кто-то то заходит под воду, то выходит из-под неё.

Надеюсь, это не Дельгадо-старший. Последнее, что я хотела бы сейчас увидеть – сморщенное оголенное тело старика.

Тяжело вздыхаю, протягиваю руку к ручке и, быстро открыв дверь, вижу, что стекла до сих пор нет, а в воде стоит обнаженный Рэй. Дыхание спирает, переступаю порог и, сделав несколько шагов, замираю. Это что, мираж? Или я слетела с рельс здравомыслия? Передо мной Рэйлан Бейкер. Рэй замечает меня, быстро выключает воду, хватает полотенце и, обвязав его вокруг бедер, идет ко мне.

Его шаги осторожные. Рэй до сих пор мокрый, и я вижу, как позади остаются отпечатки его босых ног. Он смотрит только на меня, в то время как мой взгляд мечется из стороны в сторону. Его глаза – нож в самое сердце. Он такой родной, трогательный и осторожный, словно Рэй не знает, как ко мне подступиться, что сказать или сделать.

– Рэй? – шепчу я.

Он криво улыбается, но эта улыбка ни на миг не касается его зеленых глаз, и отвечает:

– Да, Джонс, – это я.

Рэйлан Бейкер останавливается в шаге от меня и не смеет подойти ближе. А меня начинает колотить от звука его голоса. Это мой Рэй, я уверена. Мужчина передо мной не безэмоциональная статуя, это *тот самый* Рэй, который делал мне "кривое" тату, тот, кто часами разговаривал со мной на крыльце, *тот самый*, что обреченно сидел на полу в Кубе и просил меня отнять его жизнь. Именно *он* обещал мне свидание, говорил, что научит плавать и пожертвовал своей жизнью, отдав мне дозу вакцины, предназначенную для него.

Сглатываю новость откуда взявшийся комок.

Глаза в глаза.

Секунда, вторая.

Чувствую, как руки начинают дрожать, но я всё же поднимаю их и прикасаюсь к горячей и мокрой груди Рэя. Он протяжно выдыхает, словно и не дышал до этого вовсе. Провожу пальцами по большому шраму чуть ниже сердца, ладонь скользит ниже, над самой границей полотенца я замечаю ещё один шрам, он более глубокий и большой. Именно сюда вонзился металл и пробил ему позвоночник. Выкидываю из памяти кровавую картинку. Это в прошлом.

– Ты выжил. – сама себе говорю я.

– Благодаря тебе. – поправляет Рэй и осторожно берет мои руки в свои горячие ладони. – Я ждал тебя.

Все настолько сюрреалистично, что я теряюсь в своих эмоциях, но всё же преодолеваю разделяющий нас шаг, Рэй тут же крепко обнимает меня, и я, уткнувшись ему в грудь, позволяю себе расслабиться, но на смену секундному спокойствию тут же приходят новые вопросы.

– Как старик поставил тебя на ноги?

У меня в голове отборная солянка. Одни моменты накладываются на другие. Обычная жизнь, Куб, Остров Избранных, Корву. Всё это мелькает перед глазами, и одна картинка про-

шлого сбивает другую, окончательно руша карточный домик моих воспоминаний. Я начинаю сомневаться во всём. Был тот или иной случай, или нет?

– Он очень постарался. – отвечает Рэй, уткнувшись мне в волосы.

Ладно. К этому я ещё вернусь. Сейчас меня терзает другое. Сначала я не решаюсь спросить, но мне нужно это знать. Я должна понять мотивы Рэя.

– Что ты сделал со мной, когда я вернулась на остров?

Рэй немного отстраняется, но только для того, чтобы недоуменно посмотреть мне в глаза.

– О чем ты? – спрашивает он.

Беспокойство поднимает голову, словно змея перед броском.

– Что ты сделал со мной, когда я прилетела сюда? – более тихо и медленно спрашиваю я.

Глаза Рэя исследуют моё лицо, он убирает одну руку с моей талии и невесомо прикасается к щеке.

– Куда прилетела?

Отстраняюсь так же быстро, как и прильнула к нему ранее.

– Я и Гаррет прилетели за тобой на остров...

Рэй хмурит брови и поджимает губы, словно со злостью проводит рукой по своим мокрым волосам. Отходит от меня, ведет какую-то неизвестную мне внутреннюю борьбу. В итоге останавливается и вновь смотрит на меня.

– Джонс, ты никогда не покидала этого острова. – говорит он, и я тут же отступаю назад.

– Что ты такое говоришь?

Рэй начинает подходить ко мне, я отступаю. Он делает ещё шаг, я два.

– Джо, что ты делаешь? – по его лицу могу судить, что он не понимает моего неизвестно откуда взявшегося страха. Я и сама не понимаю, но не позволяю Рэю подойти ко мне.

– Не знаю. – отвечаю и слежу за его реакцией.

На лице Рэя боль.

– Ты же не боишься меня? – словно не веря в это, спрашивает он.

– Я не уверена. – честно отвечаю я.

Аккуратно переступаю порог ванной, и в этот момент лицо Рэя меняется. Он больше не смотрит на меня с теплотой, его взгляд становится безумным стеклянным, именно таким, как был в тот раз, когда он своими руками зажал мне мозги. Больше не медля ни секунды, забегая в комнату, закрываю дверь и наваливаюсь на неё всем весом. Но Рэй словно с ноги открывает её, и я отлетаю на кровать, переваливаюсь через неё и падаю с другой стороны. Быстро вскакиваю на ноги и выбегаю из комнаты, тут же врезаюсь в Дельгадо-старшего, он отступает в сторону и кричит мне вдогонку:

– Джорджина, девочка моя, тебе не убежать из Куба.

Эти слова заставляют меня замереть и обернуться назад.

Что? Не может быть!

– Я не в Кубе! – почти кричу я.

Старик стоит и мнет в руках какой-то лист. Рэй выбегает и словно послушный ребенок останавливается по велению руки старика, Рэй находится немного позади владельца дома и напряженно сжимает кулаки. Мой взгляд бежит от одного мужчины к другому и периодически останавливается на листе. Интуитивно ощущаю, что этот лист предназначен мне. С опаской подхожу к людям, которые в этот момент очень сильно пугают меня. Протягиваю руку и хватаю листок у Дельгадо-старшего. Разворачиваю его и вижу извещение, то самое, о стоянке мотоцикла, который я угнала и переправила на Корву.

Какого хрена?

Непонимающе перевожу взгляд на Рэя, он разглядывает меня, но в его взгляде нет никакого интереса.

– Что это? – спрашиваю у Дельгадо-старшего.

Я вообще ничего не понимаю. Я не в Кубе! Нет! Я не могу поверить, что всё что было – это лишь игра моего воображения.

– Ты всех погубила. – слышу голос Гаррета, и тут же оборачиваюсь. Вижу перед собой дядю Эрн с дырой во лбу, из которой сочится алая кровь, Клару, её словно сшили по лоскутам, от падения девушку удерживает её брат, его лицо серое, синие губы приоткрываются, и оттуда выползает муха, взмахивает крыльями и улетает.

Сердце отбивает чечетку, пытаюсь проморгаться, но видение не исчезает.

Немного правее стоят Челси, Коди и Гаррет, они все в крови. Замечаю в руке Гаррета длинный нож, он переворачивает оружие лезвием к себе, обхватывает рукоять двумя руками и, смотря мне в глаза, печально говорит:

– Ты и меня убила. – замахивается и вонзает нож себе прямо в живот, парень оседает на пол, а меня сшибает волна ужаса. Опомнившись, подбегаю к нему и кричу.

– Гаррет, нет! Нет! – парень пытается прокрутить нож. – Гаррет, прекрати!

Протягиваю руки, чтобы забрать нож, но стоит мне его коснуться, как Гаррет рассыпается в песок, и его тело уносит несуществующим ветром, которого и быть не может в закрытом доме Дельгадо-старшего.

Открываю глаза и чувствую облегчение.

Сон. Это был всего лишь сон.

Дыхание тяжелое и сбитое, на лбу выступила испарина, а ногти врезаются в ладони.

– Мне, конечно, приятно, что я тебе снился, – резко сажусь на кровати и смотрю направо, в точно такой же стеклянной комнате у дальней стены на кровати сидит Гаррет. – Но в основном девушки кричат: "Да, Гаррет, да".

Живой. Он живой.

Чертов сон!

Устало провожу руками по лицу, избавляясь от остатков сновидения, и начинаю рассматривать место, где нахожусь. Комната примерно три на три метра. Стеклянные стены, белые пол и потолок. В так называемом аквариуме нет ничего, кроме кровати, которая больше похожа на больничную, её в одно мгновение можно сделать в кресло или же снова вернуть в горизонтальное положение. И стул. Обычный неприметный стул на четырех ножках и с гладкой плавно изогнутой спинкой, и он тоже белого цвета. Освещение находится в коридоре... Вот черт!

Встаю с кровати и медленно иду к стеклянной стене. Прикасаюсь к ней ладонью, и вокруг руки моментально появляется испарина. Но не моя клетка шокирует меня, а то, что находится за её пределами. В обе стороны от меня, а также напротив, расположены десятки, возможно и больше, идентичных комнат, в каждой находится по одному человеку. Кто-то спит, кто-то сидит на кровати или стуле, кто-то расхаживает из стороны в сторону. Рядом с каждой комнатой находится военный или охранник. Они стоят словно статуи – недвижимые и безэмоциональные, облачены в черные костюмы с множеством карманов, по всей одежде распахано оружие: ножи, пистолеты, запасные обоймы патронов.

Концентрирую свой слух, и тут же до меня доносится жизнь этого места. Шелест простыней, тихий бубнеж заключенных, босые шаги по прохладному полу. Переключаю свое внимание на друзей по несчастью, они, как и я, облачены в серую одежду: просторные легкие брюки и широкую футболку с глубоким v-образным вырезом. Я бы назвала нашу одежду – пижама сумасшедшего. Она бы отлично вписалась в стены дурдома.

Возвращаюсь к кровати и сажусь на неё, подобрав под себя ноги, самый громкий звук заставляет меня обернуться и посмотреть на комнату Гаррета. Он толкает практически единственный предмет интерьера от противоположной стены ко мне. Расположив кровать по ту сторону стекла, ложится и закидывает за голову руки. Осматриваю стену между нами и на самом верху, под потолком замечаю квадратные отверстия, они идут по периметру аквариума,

видимо, так мы получаем кислород и благодаря этим отверстиям можем разговаривать, слыша друг друга.

– Ты как? – спрашиваю я.

– Хрен знает. – Гаррет бросает на меня косой взгляд. – А ты?

– Так же. – ложусь на кровать и понимаю, что если убрать стекло, получается, что мы с Гарретом лежим на одной большой кровати и между нами не больше тридцати сантиметров. – Почему у наших дверей нет охраны?

– Думаю, мы скоро всё узнаем. Антония говорит, что к ней тоже не сразу приставили сопровождающего.

Резко поворачиваюсь и смотря на профиль парня, спрашиваю:

– Кто такая Антония?

– Девчонка из соседней комнаты-палаты-камеры. – слегка приподнимаюсь и смотрю через комнату Гаррета на лысую девушку, которая, прилипнув к стеклу, очень внимательно смотрит на нас огромными глазами. Заметив моё внимание к девушке, Гаррет фыркает и сообщает. – Не ревнуй, ты мне нравишься больше.

Несмотря на то, что Гаррет произнес это с былой иронией, я напряглась. Снова ложусь на кровать и, смотря в потолок, спрашиваю:

– И как давно ты очнулся?

– Минут за десять до тебя.

– И уже познакомился с соседкой? – в моём голосе слышится неверие.

– И не только. Я поговорил со всеми, кто был согласен это делать.

– Не удивлена. Что будем делать?

Гаррет какое-то время молчит, поворачиваюсь к нему и получаю односложное: "Ждать". И мы ждали.

Ждали и ждали, но к нам так никто и не пришел. На тот момент мы даже не подозревали, что у нас куда больше соседей, чем десять-двадцать человек. Их сотни. Сотни тех, кто стал подопытными Дэвида Дельгадо. Люди, чьё тело – это просто сосуд нужных ингредиентов для извращенного коктейля фанатичного Доктора.

Глава третья

Под тихие разговоры подопытных самих с собой я уснула, а проснулась настолько резко, что тут же соскочила с кровати.

Музыка.

Меня разбудила громкая и монотонная мелодия. Подходя к стеклянной стене, которая разделяет меня и коридор, я обратила внимание на своего соседа с противоположной от Гаррета стороны. Это парень, который до этого момента лежал на кровати укрытым с головой. Сейчас он подходит к выходу и говорит одно и то же: "Утро-утро-утро-утро-утро".

Его однообразный монолог наводит жуть. Слышу с левой стороны топот нескольких пар ног. Прильнув к стеклу, пытаюсь разглядеть, что происходит в коридоре, но ничего не вижу. Только стеклянные камеры и заключенных, которые все как один подходят к выходу и замирают.

– Отойди от стекла. – с нажимом говорит Гаррет.

Отхожу на пару шагов и нервно сжимаю руки в кулаки. Незнание всегда страшна.

– Что говорит твоя соседка? – напряженно, но более громко спрашиваю я.

– Утро. – отвечает Гаррет, сидя на кровати. Его, кажется, вообще не заботит наше положение.

– Ясно.

– Джо, – оборачиваюсь и смотрю на единственное знакомое мне лицо. – Будь спокойной и покладистой. Нам нужно понять, с чем мы имеем дело. Ничего не предпринимай, пока не посоветуешься со мной.

Смотря на Гаррета, понимаю, что он серьезен. Это настолько редкое явление, что я не могу не обратить на это внимание.

– Хорошо.

– Я серьезно. Не глупи. Мы и так уже в дерьме по самую макушку.

Скрип колесиков о пол отвлекает меня от Гаррета. Оборачиваюсь и вижу, как по бело-снежному коридору идет та самая женщина, что вводила нам первую вакцину и надевала часы. Она всё в той же одежде, с той же тележкой, с болтающимся колесиком, только теперь на тележке не часы, а тонкие металлические браслеты стального цвета. Женщина останавливается у каждой камеры, отдает по одному браслету охранникам и молча идет дальше. Весь её вид дает понять, что эту работу она выполняет на автомате и без особого энтузиазма.

Подойдя к моей камере, она останавливается, берет браслет и подает его "никому", только после того, как дар никто не принимает, она поднимает усталый взгляд и, не обнаружив охранника, цокает. Расстегивает белый халат, достает откуда-то из-за пазухи рацию и говорит:

– У камер триста двенадцать и триста тринадцать нет сопровождающих.

Ей никто не отвечает, и она, вновь пряча рацию, движется дальше, но, дойдя до камеры Гаррета, вновь останавливается и, хмуря брови, говорит:

– Как вы могли так поступить? Это навсегда очернит ваши души.

– Пошла к черту. – говорит Гаррет, не смотря на женщину, всё его внимание приковано к тому, как по очереди так называемое сопровождение открывает камеры, они надевают браслеты на руки заключенным и выводят их из аквариумов, закрывают дверь и встают за спины наших друзей по несчастью. Так они и стоят. Не двигаясь.

Жуткая картина – замершая бесконечная черно-серая зебра стоит в безмолвии и без движений.

Самая печаль в том, что ни один человек не решил биться за свободу, они настолько покорны, что мурашки пробегают по позвоночнику. Что Дельгадо сделал с этими людьми, что

они беспрекословно следуют невидимой указке Доктора? Через сколько я стану такой же? Без-эмоциональные послушные овощи.

– Почему они не сопротивляются? – спрашиваю я у Гаррета.

– Не знаю, но мы последуем их примеру.

Утвердительно киваю. Как только звук колесика прекращает гнуть мою нервную систему, музыка замолкает, и все заключенные-подопытные как один поворачиваются налево и идут в сторону, откуда ранее пришла женщина с браслетами.

Как только их шаги затихают, протяжно выдыхаю и оборачиваюсь к Гаррету.

– Что это было?

– Это называется повиновение. – закатываю глаза, а Гаррет добавляет. – Хотя ты о таком и не слышала. Расскажу как-нибудь потом как это работает.

– Я не просила тебя лететь вместе со мной.

Сказав это, тут же прикусываю язык. Я эгоистка чистой воды, так как рада, что Гаррет здесь... со мной. Будь я одна, то страх не позволил бы мне даже встать с кровати.

– А я и не говорю, что отличаюсь особым умом. Был бы поумнее, сидел бы на своей новой вилле в Италии. Но нет же, в героя решил сыграть.

Решаю не продолжать разговор, который в легкую может зайти на зыбкую почву и лишит меня элементарной собранности.

Осматриваю дверь, которая никак не закрыта. То есть на ней нет замка. Никакого. Толкаю стеклянное полотно, но оно не поддается. Прижимаюсь плечом и надавливаю со всей силы. Ничего. Подхожу к стулу, беру за неудобную спинку, тащу его к выходу, замахиваюсь и со всей силы опускаю стул на стекло. Ничего.

Бью ещё раз и ещё. Стул разлетается на щепки, стекло невредимо.

Обреченно опускаю руки и снова слышу шаги.

К моей камере подходит девушка, а за её спиной стоят Рэй и Коди. Пока я безрезультатно старалась разбить стекло, даже не заметила, как они преодолели коридор.словно ведомая чем-то потусторонним, осторожно подхожу к двери, наступая босыми ногами на останки стула и осматриваю лицо Рэя. Он остался таким же, как и был в нашу последнюю встречу – никаким.

Не открывая двери, Джудит говорит:

– Это ваше сопровождение. – замечаю в её руках два браслета. – Сейчас я открою дверь, надену браслет, и вы пройдете до места приема пищи. – девушка делает кукольное лицо. – Прошу вас, не нужно проблем. Просто идите и поешьте. Позже вас проводят в уборную, а потом вернут в комнату.

Я слышу, что она говорит, но могу смотреть только на Рэя. Его взгляд, собственно говоря, как и взгляд Коди, пустой. Как бороться с врагом, которого не понимаешь? Как бороться с врагом, которого любишь?

Дверь открывается, и Джудит делает осторожный шаг в мою сторону. Я отступаю назад.

– Джо. – предостерегающе говорит Гаррет, бросаю на него гневный взгляд. Я не знаю, почему злюсь. Он последний, кто хоть как-то достоин моей злости. Я растеряна. Напугана. Напугана тем, что я не смогу вернуть Рэя. Я зря вернулась на остров. Нет, не так. Я зря не отключила Куб?

Не думай об этом! Не сейчас.

Протягиваю руку и, смотря в огромные карие глаза Джудит, спрашиваю:

– Что это за браслет?

– Это устройство гасит ваши способности и... делает более покладистыми.

Тихий щелчок застежки браслета, и я тут же чувствую, что в мою руку впивается игла, и в этот момент звуки становятся тише. Я больше не слышу ровное биение сердца Рэя. Девушка уходит в комнату Гаррета, Коди следует за ней безмолвным роботом, а я подхожу к Рэю и разглядываю его лицо. Это не он. Он, точнее его оболочка, а внутри там никого нет. Робот.

– Рэй? – он не реагирует, даже не опускает на меня свой взгляд. Если бы его грудная клетка не поднималась и не опадала, я бы решила, что он и вовсе мертв.

Давлюсь горечью печали и отступаю от него на шаг.

– Идем. – говорит Джудит и, возглавляя нашу процессию, уходит вглубь коридора.

Мы с Гарретом идем следом, а нам в спины упираются ничего не значащие взгляды наших бывших соратников.

Три дня.

Три дня непонимания и ожидания неизвестного. Время, проведенное в стеклянной камере, словно замедленная съемка. Каждый день начинается под одну и ту же странную музыку. Я где-то читала, что есть такая пытка – музыкой. После – бубнеж пленных: "Утро-утро-утро", потом приходит женщина с тележкой, раздаст браслеты, нам их надевают и проводят по длинному коридору в столовую. Это странное место. Огромные длинные столы вмещают в себя около полтысячи человек. Мы должны садиться строго на своё место, мой номер триста двенадцать, у нас у всех разная еда, но это я могу увидеть, только идя мимо стульев к своему месту. Садясь, ничего не вижу, так как со всех сторон от меня белоснежные полотна, уходящие в потолок и закрывающие меня со всех сторон, не считая спины. После завтрака, кого-то возвращают в камеру, я же прошу увести меня в туалет. Подходя, встаю в очередь и жду. После туалета возвращаюсь к камере. Рэй снимает с меня браслет и закрывает за моей спиной дверь. В обед и ужин происходит всё то же самое, только нет музыки. На четыре часа мой сопровождающий уходит, как и несколько других, потом возвращается, и всё идет по кругу.

За эти три дня Рэй не сказал мне ни единого слова.

За эти три дня я боялась смотреть на него.

Нас никто не навещает, ни Дельгадо, ни Джудит.

Дни проходят, и я теряюсь в догадках – зачем я здесь? Почему Дельгадо потратил столько ресурсов и сил, чтобы поймать меня, а поймав, даже не появился? Надеюсь, его хватил сердечный приступ. Или сбила машина.

Единственный, с кем я разговариваю, – Гаррет. Он же общается ещё с двумя соседними аквариумами. Но, к сожалению, никакой полезной для нас информации он не узнал.

Как говорит Антония, которая периодически впадает в ступор и может несколько часов подряд простоять в центре комнаты, мы – номера. У каждого из нас есть номер и только так к нам обращаются люди, работающие здесь. Вспоминая Джудит, понимаю, что она обращалась ко мне по имени. Так же от Антонии мы узнали, что теперь это наш дом и если мы будем вести себя тихо, то "он" не придет. На вопрос "Кто такой он"? она отвечает: "Наш отец". Думаю, это Дельгадо. Девушка говорит, что нужно быть тихими и послушными. Как-то Гаррет спросил, что происходит, когда приходит отец, Антония, как и все наши соседи впали в истерию. Они кричали, плакали, прятались под кровати и все как один молили: "Возьмите не меня. Только не меня".

Глава четвертая

Подобрав под себя ноги, сижу на кровати и смотрю на спину Рэя. Никогда бы не подумала, что мне будет безумно тяжело смотреть на его лицо. Лицо, которое не выражает ничего. Обратимо ли это? Или такой исход – это плата за то, что он остался жив?

– Не насмотрелась ещё? – спрашивает Гаррет, плюхаясь на свою кровать.

Обращаюсь не напрямую к Гаррету, скорее всего я просто сотрясаю воздух одним из самых изнуряющих меня вопросов:

– Что они с ним сделали?

– Мозги промыли или это результат заморозки? Извилинам стало настолько прохладно, что они дружно взялись за свои крохотные ручки и покинули голову Рэйлана Бейкера. – с выражением знатока сообщает Гаррет.

– Не смешно.

– Ему? Определенно.

Замолкаю и прислушиваюсь к одиноким и быстрым шагам в коридоре. Они легкие и очень шустрые, ещё до того, как девушка появляется в поле моего зрения, я уже знаю, кому принадлежит торопливая поступь.

– Что там? – спрашивает Гаррет.

– Джудит идет.

И буквально через минуту к моему аквариуму подходит Джудит. Девушка, как всегда, в белом медицинском халате, на котором, к слову говоря, нет не единого залома, ни одной складки. Даже её чертов халат идеален, как и всё вокруг меня. Кажется, тут нет изъянов, всё стерильное, чистое, кроме очередного сломанного мною стула. Каждый раз, возвращаясь в камеру, я обнаруживаю, что кровать застелена, щепки убраны, а на месте изувеченного стула стоит новый. Но это ненадолго. Через пять минут и новинку ждет участь всех его предшественников. Я знаю, что таким образом мне не выбраться из-за стекла, но это незатейливое действие дает мне понять – я ещё не сдалась.

Джудит взволнована и, кажется, даже немного напугана. Молча отдает Рэю браслет и кивает на мою дверь, которая тут же открывается, стоит Рэю набрать код на переносном пульте, который всегда находится при нем.

Стараюсь не двигаться с места и прямо смотреть на девушку, которая вбегает в мою камеру. Это удастся с трудом, ведь я понимаю – она пришла за мной. Её торопливость и беглый взгляд заставляют насторожиться.

– Что происходит? – на октаву громче обычного спрашивает Гаррет.

Девушка бросает на него беглый взгляд и, смотря на меня, говорит:

– Отец здесь и хочет увидеть тебя. – слегка запыхавшись сообщает она. – Немедленно.

Все же отползаю к изголовью кровати, шарю рукой под подушкой и, нащупав одну из спрятанных мною щепок, говорю:

– Кто такой отец?

– Мистер Дельгадо. – отвечает она и нервно выкручивает пальцы.

– Я тоже иду. – говорит Гаррет.

– Гарр... триста тринадцать, тебя не приглашали. – говорит девушка.

– И что? – лицо Гаррета – чистое недоумение. – Это не повод не поприветствовать отца.

Джудит переводит взгляд на меня и говорит мягким тоном:

– Триста двенадцать, нам не нужны проблемы. Он просто хочет увидеть тебя, ничего больше.

Мне становится страшно. Не на шутку страшно. Больше трех дней я ждала, когда что-то произойдет, а теперь боюсь. Девушка замечает в моей руке острую деревяшку и, отпрянув, говорит Рэю:

– Сопроводи триста двенадцать в желтый отсек. – быстро разворачивается и уходит, бросив беглый взгляд на останки стула.

Рэй незамедлительно приходит в движение. Спрыгиваю с кровати, пытаюсь его оббежать и выскочить в открытую дверь. Я не знаю, куда побегу или что буду делать. Инстинкт самосохранения такие мелочи не интересуют. Но не успеваю даже покинуть клетку, Рэй хватается за волосы и резко дергает назад. В полете теряю чертову щепку, голову обжигает огнем, падаю на пол и, слыша отборный мат Гаррета, переваливаюсь со спины на бок, потом на живот, встаю на колени и чувствую, как Рэй одевает на меня браслет, игла в вену, и тут же голос Гаррета становится далеким. Легким движением руки Рэйлан ставит меня на ноги и подталкивает к выходу. Бросаю взгляд на камеру Гаррета, он со всей дури лупит по стеклу кулаками, да так сильно, что на гладкой поверхности остаются кровавые следы.

– Не надо. – говорю я ему и тут же получаю от Рэя очередной толчок в спину.

Иду по белоснежному коридору, каждой клеткой тела ощущаю сопровождающего позади себя.

Оборачиваюсь и наткнувшись на стеклянный взгляд, проглатываю слова, которые хотела сказать. Коридор, кажется бесконечным. Практически все клетки заняты. Смотря на лица людей, понимаю, что никого не знаю. Но стоит мне подойти к предпоследней клетке, как я тут же бросаюсь к ней. Парень с той стороны распахивает глаза и подбегает к стеклу, уронив подушку на пол.

– Джо? Я думал, ты уже мертва. Где Гаррет? – тараторит Джервис.

Рэй грубо хватается за предплечье и тянет от клетки, но я успеваю заметить, что на месте отсутствующей руки Джервиса протез – точная копия человеческой руки, гладкая поверхность стального цвета.

– Бейкер, какого хрена?! – кричит парень, но Рэй уже затаскивает меня в лифт.

Войдя в просторный и пустой лифт, вырываю руку и отхожу от Рэя к противоположной стене. Так, теперь мне известно, что коридор заканчивается лифтом. Джервис жив, и у него даже появилась рука. И ещё я знаю, что нынешний Рэй пойдет на что угодно лишь бы выполнить приказ.

Как мне с ним бороться? Я не могу причинить ему боль. Просто не могу.

Потирая предплечье, предпринимаю попытку с ним заговорить:

– Рэй? – за всё время парень впервые переводит на меня взгляд, моё сердце сжимается, а надежда распахивает свои объятия. Рэйлан быстро подходит ко мне, протягивает руку, я перестаю дышать, смотря в его стеклянные глаза, а он... нажимает на нужную кнопку позади меня, и двери лифта закрываются.

– Чертов Рэй! – говорю я и ругаю себя за глупую попытку с ним поговорить.

Поднимаю взгляд на табло, но вместо цифр там цвета – желтый, красный, зеленый, и черный. Удивлена, что нет белого. Как только загорается желтая лампочка, лифт останавливается, дверь открывается, не жду, когда Рэй начнет толкать меня, и выхожу сама. Передо мной простирается три пути. Три совершенно идентичных коридора. Рэй указывает рукой на самый правый, и я иду туда.

Сейчас у меня нет выбора. Драться с Рэем я не буду.

Во-первых, он в любом случае победит.

Во-вторых, даже если случится чудо, и я смогу его одолеть, то закончить начатое мне не удастся, да и идти я не знаю куда. Мне не известно, где находится выход и какой из этажей к нему ведет. Да я даже не знаю в какой части земного шара нахожусь. Как сказал Гаррет – нам нужна информация.

Осматриваюсь. Здесь нет окон. Нет людей. Ничего нет, только желтый коридор и белая дверь в конце.

Я знаю, кто за ней прячется. Ублюдок Дельгадо.

Доходим до самой двери и останавливаемся. Мы что, чего-то ждем? Оборачиваюсь назад – никого. Бросаю косой взгляд на Рэя. Протягиваю руку, сама открываю дверь и в шоке вхожу внутрь, а Рэй остается за порогом. Слышу, как с тихим щелчком закрывается дверь, и, не веря своим глазам, смотрю на Дельгадо-старшего.

– Он и вас сюда притащил? – спрашиваю я, осматриваю белый кабинет, с серой мебелью и массивным белоснежным столом. Кроме Дельгадо-старшего тут никого нет.

– Присядь, – говорит старик. – Мой сын скоро придет.

– Что вы здесь делаете?

Но мне не суждено услышать ответ старика, дверь в другом конце кабинета открывается, и оттуда бодрой походкой выходит Доктор. Белый костюм, серое лицо. Он идеально вписывается в свой кабинет, как ещё одна безделушка для блеклого интерьера.

Не успеваю подумать, взвесить свои шансы, сопоставить "за" и "против".

Срываюсь с места и бросаюсь на мужчину. Толкаю его в грудь. Он не ожидает такого и мешком, полным дерьма, валится на пол. Оказавшись сверху, смыкаю руки на его шее и давлую изо всех сил. Глаза мужчины максимально распахнуты, он пытается оторвать мои пальцы от своей шеи, но я слишком жажду его смерти. За всё! За всех! За смерти дяди, Дерека, Челси, Клары и её брата, за то, что он сотворил с Рэем, за всех людей, что томятся в стеклянных клетках.

Моя ярость настолько сильна, что я перестаю дышать, слышать, видеть. Есть только он, я и моя всепоглощающая ненависть.

Сейчас я не защищаюсь, я хладнокровно убиваю человека и при этом не испытываю ничего. Ни удовлетворения, ни отторжения.

Получив сильный удар под ребра, болезненно выдыхаю, но смыкаю руки ещё сильнее. Настолько сильно, что пальцы немеют. Сильный удар по лицу выводит меня из строя. Отрываю руки от Дельгадо и валюсь на пол рядом с ним. Сквозь пелену наблюдаю, как Рэй помогает ублюдку подняться, а после рывком поднимает и меня. Толкает к стулу, и я тут же падаю на него, хватая ртом воздух.

Рэй ударил меня, тем самым спас Дельгадо.

В бессилии прикрываю веки и сглатываю горький ком. Уверена, что больше меня к Дельгадо-младшему не подпустят. Это был мой единственный шанс.

Открываю глаза, и мой взгляд тут же цепляется за нож для открывания писем. Кому в двадцать первом веке нужен такой нож? Вот моя последняя надежда. Она лежит в центре стола и манит блеском стали. Из последних сил соскакиваю со стула и, запрыгнув животом на стол, хватаю нож. Мне нужна всего секунда на то, чтобы снова броситься на Дельгадо-младшего. Лучшего шанса у меня не будет. Замахиваюсь, и передо мной возникает Рэй.

– Не сопротивляйся. – говорит старик за моей спиной.

Лезвие замирает на расстоянии сантиметра от лица Рэя. Он стоит и даже не моргает. В его лице нет ни капли страха или злости. Из меня вырывается всхлип, такой громкий, что я хочу зажать уши. Рэй не предпринимает никаких попыток отнять у меня оружие или как-то усмирить меня. И тут я понимаю, что слова старика: "Не сопротивляйся" были сказаны вовсе не мне, а Рэю. И он послушно замер перед лицом смерти. А ведь я действительно могла его убить, а он даже не стал бы защищаться. Рука с ножом начинает дрожать, и в итоге оружие падает на пол, а я отступаю назад.

Я чуть не убила Рэя.

В ушах шум, перед глазами пелена. Фокусируюсь на Дельгадо-младшем. Он подходит к своему столу, наливает из графина воды и делает несколько мелких глотков, бросает на меня недоуменный взгляд и говорит:

– Ты что творишь?

– Убить тебя хотела. – хрипло говорю я.

Не знаю почему, но в голове, мысленно, я всегда обращалась к Доктору на Вы, но он этого не заслуживает. Даже когда я называла его "Ублюдком", я неосознанно не обращалась к нему на Ты.

– Что? – искренне недоумевает Доктор, растирая красную шею, говорит. – Это я должен злиться, а не ты. – его голос хрипит и это немного радует меня.

Дельгадо-старший садится рядом со мной и говорит, смотря мне за спину:

– Рэйлан, будь добр, активируй браслет на пятнадцать процентов.

Оборачиваюсь и наблюдаю, как Рэй достает пульт, тот самый, которым открывает дверь в мой аквариум, нажимает пару сенсорных кнопок, и браслет на моей руке начинает легко вибрировать, а потом внутри него появляется очередная игла и, проколов мне вену, запускает что-то... от чего я начинаю оседать. Старик придерживает меня и говорит Рэю:

– Перемести триста двенадцать на диванчик, так чтобы она не упала, и можешь подождать снаружи.

Рэй подхватывает меня на руки и сажает-бросает на диван. Уходит даже не обернувшись, а я смотрю, как дверь закрывается, скрывая его от меня.

Смотрю на Дельгадо-старшего и чувствую на языке пепел.

– Это вы. Вы сделали такое с Рэем.

– Ты просила меня помочь, и я помог. – говорит старик.

Дельгадо-младший садится за свой белоснежный стол и, смотря на меня, говорит:

– Ты правильно решил, что она не сможет ему навредить. – переводит взгляд на своего отца. – Спасибо, я принимаю этот дар.

– Какого хрена?! – спрашиваю я. – Вы за одно?

– Нет! – говорит Дэвид, и тут его сотовый начинает звонить, посмотрев на экран, он тут же соскакивает с места и быстрым шагом уходит за дверь. Я не слышу, с кем он разговаривает и о чем, мой слух с этим браслетом ничего не стоит.

– Как вы могли? – спрашиваю у старика.

– Джорджина, дитя моё, я безумно рад, что познакомился с тобой и Джервисом. Вы... вы действительно важная часть моего существования на земле, но мой сын – Дэвид, я уже однажды потерял его и не могу позволить случиться этому вновь. Я готов помогать ему, даже если эта помощь идет в разрез с моими устоями и правилами.

Смотря на Дельгадо-старшего я понимаю, что собственноручно оставила Рэя в его лапах. Я даже не могла подумать, что он играет на стороне Доктора. Хотя, что я могу знать об отношениях отец-сын. Тем более, когда, и отец, и сын – оба поехавшие на всю голову.

– Да вы ещё хуже, чем он. – выплевываю я. – Он фанатик, у вашего сына больше нет черты, которая отделяет хорошее от плохого. А вы, вы понимаете, что его опыты – это ужасно, и помогаете ему. Вы убиваете людей.

– Возможно, ты права, но семья превыше всего. – не совсем уверенно говорит старик и отводит от меня взгляд.

– Тогда почему вы помогли нам? Я не понимаю, почему вы не отдали нас ему, когда мы спрятались в вашем доме?

Старик позволяет себе улыбку, за это я ненавижу его ещё больше.

– Одним из моих желаний было, когда-нибудь увидеть всех моих детей. И случай представился. Я хотел понять, насколько вы похожи на моего покойного сына. Рация была у вас,

и я не мог связаться с сыном и рассказать ему о том, что вы в целости и сохранности, я ведь даже не подозревал, насколько в *тот* момент ты была ему нужна.

– Для чего?

– Это он сам тебе расскажет. – словно спохватившись и поняв, что произнес лишнее, быстро проговаривает Дельгадо-старший.

– Всё, что вы говорили, было ложью.

– Нет. Я солгал всего один раз. – по моему красноречивому взгляду он понимает, что я хочу знать, что это за "один раз". – Когда сказал Рэю, что он не сможет ходить.

– Зачем?

– Видишь ли, мой сын был в восторге от Рэйлана, когда тот попал в Куб. Я даже скажу, что он был его любимчиком. И я хотел подарить его...

– Вы отвратительны! Вы решили подарить своему сыну Человека! Да вы хоть понимаете, что это переходит любую грань?

– Понимаю. Но когда я сказал своему сыну, что вы улетаете...

– Это был ты.

Черт! Черт! Черт! Это он нас сдал! Мой дядя погиб из-за того, что старик нас выдал. А ведь я думала на всех, кроме него.

– Да, конечно. У меня было совсем немного времени, чтобы передать эту информацию моему мальчику. В момент, когда ты отправилась к Рэйлану в Куб, твой дядя сказал Гаррету, что времени практически нет, Джервис спросил его, что за время, и тогда дядя вскользь упомянул о птичке. Когда я сказал им, что мне нужно настроить твой выход из Куба, они даже не обратили на меня внимания, а были поглощены вашим душещипательным прощанием, и тогда я отправил Дэвиду сообщение. Он успел, но все равно потерял вас, и тогда я сказал ему: "Дэвид, не ищи Джорджину, она сама вернется. У нас в руках то, что она никогда не оставит". Сначала он искал вас, но это перестало быть важным на вторые сутки, и тогда мы стали просто ждать.

Ублюдочный старик. Прикрываю глаза и желаю оказаться в любом другом месте и в любой другой компании. Но Дельгадо-старший, кажется, решил поговорить, даже не пытаюсь перебить его, может он сообщит мне что-то стоящее, то, чего я не знаю. Может эта информация спасет меня.

– Мне правда жаль. Джорджина, будь мы в иной ситуации, я бы никогда не причинил тебе вреда. Да и Рэйлан стал мне близок. Но мой сын на пороге открытия. Он может совершить невозможное, и ты, либо Джервис поможете ему в этом. – старик хмурится и, кажется, уплывает в свои мысли. – Хотя с Джервисом уже вышла осечка, но я уверен, что ты, именно ты, способна прославить моего сына. Твои биоматериалы...

– Что? – с каждым его словом, я охреневаю ещё больше.

– После того как Рэй "жаром" воздействовал на определенные участки твоего мозга, твои биоматериалы, те, что нужны Дэвиду, стали более активны, но после их жизнедеятельность пошла на спад. Мы пока не понимаем, с чем это связано, но думаю, в ближайшее время всё решится.

Ненавижу! Пользуюсь моментом и спрашиваю:

– Что вы сделали с Рэем? Как вы им управляете?

– Рэйлан. Этот мальчик по-своему уникален. Его дар. Боже, кто бы мог подумать, Рэйлан может управлять своей терморегуляцией. Я научил его, как концентрировать температуру тела, как направлять нужные импульсы в мозг и руководить "жаром" по его усмотрению.

– То есть по вашему усмотрению. – поправляю его я.

– Да, он слушается только меня или того, на кого я укажу. Прости, я знаю, что тебе больно оттого, что он теперь твой надзиратель. Но я узнал тебя. Я понимаю, что ты долго не будешь сдаваться и будешь предпринимать попытки к побегу, но без сопровождения отсюда не выйти,

даже мне, а Рэйлану, возможно, только ему одному ты не в силах причинить боль, а он пойдет на любые меры, чтобы оставить тебя здесь.

Холодок пробегает под кожей. Передергиваю плечами и спрашиваю:

– Даже моя смерть его не остановит?

Старик не раздумывая, отвечает:

– Даже твой мертвый биоматериал куда ценнее, чем его полное отсутствие.

Дверь распахивается, и в кабинет вбегает Дельгадо-младший. Он взволнован и напуган. Даже не представляю, кого он может бояться. Смотря на отца, говорит:

– Она приехала! Скажи Рэйлану, пусть уведет триста двенадцать обратно в камеру.

Кто такая она?

– Рэйлан! – кричит старик, и в комнату тут же входит Рэй. – Уведи триста двенадцать в камеру и проследи, чтобы она попала туда в целости.

Рэй даже не кивает, уверенным шагом идет в мою сторону, и я пытаюсь подняться, но чертов браслет парализовал ноги. Я словно безвольный котенок, сил в мышцах совсем нет. А ведь браслет активировали только на пятнадцать процентов. Что со мной будет, активируй они его на сто?

– Унеси её, браслет снимешь только в камере, не раньше. – командует Дельгадо-старший.

Рэй подхватывает меня на руки и, открыв дверь ногой, выносит из кабинета. Обхватываю его руками за шею и вдыхаю запах Рэйлана Бейкера. Боже, что они сделали с тобой? Рэй так близко и нескончаемо далеко. Слезы выступают на глазах, и я позволяю себе уткнуться в его грудь и прижаться ещё ближе. Входим в лифт, и я тихо шепчу:

– Рэй, вспомни меня. – молю. – Пожалуйста. Я не знаю, что мне делать, а ты... без тебя я не знаю, хочу ли что-то предпринимать.

Он молчит, а я до боли закусываю нижнюю губу и сдерживаю рыдания. Они мне сейчас не помогут. Слезы никогда не помогают.

Когда зеленая кнопка загорается, двери лифта открываются, и мы снова оказываемся в белом коридоре. Проходя мимо камер, пытаюсь сосчитать, сколько здесь людей и сбиваюсь, поняв, что нас куда больше, чем триста тринадцать.

Теперь моё имя – это номер. Это даже хуже, чем Диди.

Проходя мимо камеры Джервиса пытаюсь заглянуть к нему, но камера пуста.

Дойдя до моей стеклянной клетки, обнаруживаю, что Гаррет стоит у самой двери и, выглядывая, спрашивает:

– Что с тобой?

Не отвечаю на его вопрос, всё моё внимание сосредоточено на маленьком пульте, который Рэй достает из кармана. Прикладывает большой палец, и только тогда появляются цифры. Он так быстро набирает их, что я успеваю запомнить только: пять-два-семь-четыре, дальше он нажимает ещё какие-то три цифры, но этого я уже не в силах запомнить. Дверь открывается, Рэй вносит меня, опускает на кровать, снимает браслет, уходит за дверь и встает там, слегка расставив ноги и убрав руки за спину. Так стоят все сопровождающие.

Чувствую, как слух возвращается ко мне и тут же оборачиваюсь к Гаррету:

– Ты не поверишь, кто рассказал Дэвиду о вертолете.

Гаррет страдальчески прикрывает глаза и говорит:

– Так и думал, что этот однорукий засланный.

– Нет! Джервис тут ни при чем. Это Дельгадо-старший.

– Тогда почему ты говоришь, что я не поверю? Очень даже верю. – сокрушительно качает головой. – Этот старый хрыч мне сразу не понравился.

– Фигура речи такая.

– Ясно. Что там происходило? Где ты вообще была?

– В кабинете Дэвида. – стараюсь рассказать всё быстро и лаконично, чтобы ничего не упустить или не забыть. – Я узнала, что его отец способствует всем его начинаниям, он как-то управляет Рэем. Здесь несколько этажей, они отмечены цветом. Наш этаж – зеленый, кабинет Дельгадо – желтый. Есть ещё красный и черный. – прикасаюсь к губе, на пальцах остается кровь, но разбитая Рэем губа уже срастается. Спускаюсь с кровати и подлезаю под неё, снизу кровью пишу цифры от кода двери, боясь забыть их. Без браслета губа настолько быстро срастается, что мне приходится пальцем расковыривать заживающую рану.

– Что ты делаешь? – спрашивает Гаррет.

– Я подсмотрела часть пароля от двери. – говорю я. Дописать последнюю цифру не получается, губа полностью срослась, отняв у меня импровизированную краску.

Вылезаю из-под кровати и сажусь на неё, откидываюсь на подушку.

– Что с лицом? – спрашивает Гаррет, садясь на свою кровать.

Не отвечаю.

– Что с твоим лицом?

– Скоро всё пройдет.

– Я не спрашивал, через сколько затянются синяки.

Понимая, что он не отстанет, нехотя отвечаю:

– Я пыталась добраться до Дельгадо-младшего, Рэй не дал мне этого сделать. Дважды.

Гаррет опирается о стекло, и если бы его не было, мы бы сидели до неприличия близко друг к другу.

– Не нужно было тогда отдавать ему вакцину. – тихо говорит парень, но я всё равно слышу.

– Почему ты пытаешься казаться плохим? Ты же не такой.

Я искренне не понимаю, почему Гаррет пытается казаться отвратительным.

– Такой. – уверенно отвечает он.

– Но ты *отдал* ему вакцину.

– Не собирался.

– Но отдал.

Гаррет бросает на меня взгляд "Да ты сумасшедшая", и говорит с явной долей злости:

– Не будь там тебя, не видь я твоих слез, я бы ни-за-что не отдал Рэю вакцину. Не стоит из меня делать белого и пушистого, это не моя прерогатива.

Смотря на Гаррета, я никак не могу собрать в голове картинку, где бы он дал Рэю умереть и продолжил бы жить спокойно. Не буду спорить с ним, наш разговор и так заходит на зыбкую почву.

– Даже не думай. – предостерегающе говорит он. – Я последний человек, на которого Рэйлан Бейкер может положиться.

– А я? – зачем-то спрашиваю я. Хотя знаю причину – хочу чувствовать, что я здесь не одинока. И пусть я законченная эгоистка, но Гаррет не дает мне слететь с катушек и вскрыть вены очередным разбитым стулом.

– А ты единственный человек, который может на меня положиться. – бросает взгляд на Рэя. – Но так будет не всегда.

– О чем ты?

– Я не всегда буду тем, кто станет жертвовать для тебя всем. В один момент я устану или найду новый предмет обожания. Надеюсь, это случится *до* моей смерти. Не желаю умереть таким парнем, которому отказала интересующая его девушка. Это удел лузеров, – бросает взгляд на своего сопровождающего, – таких, как Коди, например.

Глава пятая

Моё томление было недолгим. Не прошло и часа, как Джудит снова появилась у моей камеры. На этот раз она не нервничала – она боялась. Волны ужаса проходили даже сквозь стекло, заставляя меня подняться с кровати и отойти в самый дальний угол клетки.

Мне нечем защищаться, я даже не успела разломать до состояния щепок очередной новый стул.

Остановившись по ту сторону стекла, девушка бросает на меня беглый взгляд, но быстро переводит всё внимание на Рэя.

– Рэйлан, уведи триста двенадцать на красный уровень. – и больше не сказав ни слова, ещё более быстрым шагом она уходит назад.

Подбегаю к стеклу и, крича, колочу в него руками:

– Что за красный уровень? Джудит, стой! Стой!

Джудит никак не реагирует на мой крик, а вот пленные начинают носиться по своим камерам, и все как один кричать:

– Нет! Только не красный уровень! Нет! Нет!

Дверь моей камеры открывается, и Рэй, переступая через порог, достает из кармана браслет. Отступаю назад и под гомон заключенных с трудом различаю голос Гаррета, я даже не могу понять, что именно он говорит, и бросаю на него страдальческий взгляд. Мне страшно. Я до жути боюсь красного уровня. Красный цвет ничего хорошего не предвещает, ведь даже на светофоре он означает – стоп.

Пленные вокруг меня не способствуют успокоению, их крики и даже плач пробираются ко мне под кожу и зудят-зудят-зудят. Приказывают мне: "Беги, сопротивляйся"!

Но в этот раз я не вступаю с Рэем в схватку. Здравомыслие подсказывает, что силы мне понадобятся не здесь, а на красном уровне. Нужно успокоиться. Если я начну сражаться сейчас, то у меня не останется сил. Рэй вырубит меня. Так или иначе я всё равно попаду на красный уровень. Сейчас вопрос в другом. В каком состоянии я там окажусь? Решаюсь и добровольно протягиваю руку, щелчок браслета звучит как удар молотка судьи. Кажется, что мне только что вынесли приговор, о котором я даже не подозреваю. Главное, чтобы он был не смертельным, остальное я выдержу.

Так я предполагала, ещё не подозревая, что именно ожидает меня на красном уровне.

Выхожу вслед за Рэем и думаю только об одном. Сейчас передо мной маячит возможность узнать код от двери до конца. Я до последнего буду держаться за эту мысль, иначе слечу с катушек. Код, он мне нужен. Главное выбраться из-за стекла, открыть этот чертов аквариум и бежать. Бежать так долго и быстро, пока ноги не сотрутся в кровь.

Видя меня, пленные сходят с ума ещё больше и кричат так, что я зажимаю уши и пытаюсь абстрагироваться от их гомона. Даже браслет не спасает от пронзительных криков. Подходя к камере Джервиса, замечаю его, он быстро подходит к стеклу и говорит:

– Я надеялся, что не тебя туда поведут.

Сердце обрывается. Немного сбавляю шаг и спрашиваю, затаив дыхание:

– Ты был там?

– Да, просто терпи... – говорит он, и дальнейшего я уже не слышу.

Просто терпи.

Просто терпи.

Просто терпи.

Просто терпи!

Бросаю взгляд на свои руки – они дрожат. Дыхание хаотичными толчками сотрясает меня. Сжимаю руки в кулаки и вступаю в лифт, который уже открыл свои объятия.

Странно, но я не понимаю, куда именно движется лифт. Вверх или вниз, а может в сторону, но стоит коробу пикнуть, а красной лампочке загореться, я срываюсь. Бросаюсь вперед и начинаю нажимать на зеленую кнопку. Хочу, чтобы меня вернули в аквариум.

Страх доходит до предела.

Жму и жму на кнопку.

Рэй убирает мои руки от приборной панели, но я, извернувшись, снова тычу на кнопку, дверь начинает закрываться. Выдыхаю. Рэйлан подставляет ногу, и она тут же открывается вновь. Меня уже не по-детски трясет. Сопровождающий сильнее необходимого хватает меня за руку и выводит в красный коридор.

Коридор один. И он красный.

Здесь нет каких-либо ответвлений.

Одна дорога.

И скоро я пойму, что эта дорога ведет напрямиком в ад.

Более насыщенного красного цвета я в жизни не видела. Тут бы под стать снимать боевики или ужасы, ведь эти стены с легкостью примут кровь, и её даже видно не будет. По центру потолка длинной тонкой линией светятся люминесцентные лампы, придавая коридору поистине жутчайший вид. Рэй, не отпуская меня, ведет к венцу алого тоннеля, к черной двери, которая распахивается, и оттуда выбегает женщина.

Светлые волосы, хмурый взгляд, который при виде меня становится очень-очень злым. Так, стоп. Я знаю её! Это же та женщина. Точно она. Будучи на острове Корву, мы смотрели новости, и там показывали эту даму, я помню, что она сестра баллотируемого в президенты Ростина Бэя. Как её зовут? Я не помню. Знаю, что она часто принимает участие в благотворительности, даже как-то летала в один из самых бедных районов Африки. Сейчас женщина облачена в строгий темно-серый брючный костюм.

Преодолевает расстояние между нами и, подойдя ко мне практически вплотную, замахивается, пытаюсь ударить меня по лицу, но мне удается отклониться, и она промахивается. Что происходит? Кажется, осечка бесит даму ещё больше, и она начинает кричать:

– Это ты виновата! Да я убью тебя! Сумасбродная девчонка!

Не понимая, что происходит, отступаю на шаг назад, но рука Рэя не дает отойти на приличное расстояние. Пока я отвлекаюсь на вновь открывающуюся черную дверь, женщина замахивается во второй раз и со всей силы дает мне пощечину. В ушах звенит, потираю щеку и пытаюсь проморгаться.

Вот сука!

Да что я ей сделала?!

Страх уступает место злости. Бросаюсь на сумасшедшую, но Рэй не дает мне и с места сдвинуться. Дельгадо-младший подходит к нам и говорит, смотря на женщину:

– Гэйнор, прошу Вас успокоиться.

То, каким тоном он это сказал, дает понять, что это та самая "она". Именно эту женщину он боится. И, кажется, я его в этом понимаю.

– Успокоиться?! – кричит Гэйнор. – Да ты хоть понимаешь, что мне пришлось пережить из-за этой дряни? – она очень тяжело дышит, так словно пробежала очень длинную дистанцию. Резким движением одергивает края пиджака и уже более тихо добавляет. – Такую боль я не пожелаю, – выплевывает в мою сторону, – даже ей.

Ну спасибо.

Переводя взгляд с одного чокнутого на другую, стараюсь сжаться в невидимый комочек и укатить отсюда, как можно дальше, но Гэйнор снова срывается с цепи и, подлетая ко мне, резко хватается за волосы и с криком тянет в сторону черной двери.

– Сейчас ты за всё ответишь?! – вопит она.

– За что?! – кричу я в ответ, пытаюсь оторвать её руку от моих многострадальных волос, я истинно не понимаю, что сделала этой женщине.

Она толкает меня в дверь, и я непроизвольно делаю несколько шагов вперед. И замираю.

Белоснежная комната, у дальней стены стоит капсула, в такой-же я очнулась. В центре находится... стол... металлический... с крепежами из кожи... в самом столе есть круглые отверстия, диаметром с большой палец. Практически по центру более широкое отверстие.

Что за хрень? Я очутилась в комнате из фильма ужасов. Из любого, там, где людей крошат на маленькие кусочки. На очень-очень маленькие.

Задыхаясь, отступаю назад, я даже не обращаю внимание на Дельгадо-старшего, на Джулит и ещё четверых человек, которые выстроились у дальней стены. Они все в белых халатах и перчатках. Я могу только смотреть на жуткий стол и понимать, что эти отверстия для того, чтобы кровь стекала, а не копилась на гладкой поверхности. Подсказкой мне служат чаши под столом. На одной из них наблюдаю смазанную красную полосу. Плохо отмыли? Это же чья-то кровь.

Я увидела красный уровень. Достаточно.

Резким движением выдергиваю руку из хватки Рэя и подбежав к двери, толкаю её.

Она не открывается.

Заперта.

Я взаперти.

Дальше всё происходит так, словно эти люди тысячи раз проделывали то, что намеревались сделать со мной. Всё на автомате, без единого слова.

Они мгновенно, без какой-либо отмашки расходятся по комнате. Каждый из них занимается своим делом. Они даже не обращают внимания на мои попытки сбежать. Потому что отсюда не сбегает. Никто и никогда. Меня бьет мандраж, прижимаюсь спиной к черной двери и, срастаясь с ней, спрашиваю у Гэйнор:

– Что я вам сделала? Я же вас даже не знаю.

Дьявольская и ни капли не позитивная улыбка расплзается по её лицу.

– Я покажу, что ты сделала. – кивает на капсулу и говорит. – Посмотри, это твоя вина.

Боюсь отойти от двери. Молюсь, чтобы она открылась, но... этого ведь не произойдет. Бросаю взгляд на Рэя, он стоит рядом со мной и смотрит на стену, где висят несколько разных темных мониторов.

– Посмотри! – приказывает Гэйнор. – Я хочу, чтобы ты знала, какой грех лежит на твоей гнилой душе.

Душа моя явно не светлая, но и не гнилая. Она серая с черными пятнами.

Преодолевая страх, шаг за шагом подхожу к капсуле и даже не представляю, что именно я должна там увидеть. Я думала, эта капсула ждет меня для очередного извращенного эксперимента. Шаг за шагом, весь шум от передвижения и действий людей уходит на второй план. Заглянув в капсулу тут же закрываю двумя руками рвущийся наружу крик.

– Вы сумасшедшие. – говорю я и подступаю к капсуле ещё на шаг. Несмотря на то, что за свои годы, а точнее за последнее время, я увидела слишком много ужасного, но это... страшнее этого я не видела ничего. – Это же ребенок. – шепчу я. – Что вы с ним сделали?

Смотря на маленькое, слишком маленькое синюшное тело младенца, слушаю слова Гэйнор:

– Это не *мы* сделали. Если бы ты не сбежала, то он был бы сейчас со мной, а не лежал в этой неудобной кровати.

Кроватке? Твою мать! Да они все поехавшие!

– Что с ним случилось? – спрашиваю, не в силах побороть жалость к маленькому мальчику. Он такой крошечный. Глаза прикрыты тонкими веками, маленькие пальчики замерли, так и не сжавшись в кулак.

– Он спит. – говорит Гэйнор, и в этот момент мне становится тошнотворно жутко, ведь грудная клетка ребенка не поднимается и не опускается. Он не спит.

Сдерживаю рыдания, но слезы собираются на глазах. Он же мертв. Этот малыш умер.

С бешеным блеском глаз Гэйнор подступает ко мне и, приложив ладонь на поверхность морозной крышки, говорит:

– Привет, малыш. Вот и мама твоя пришла. – бросает на меня кривой взгляд и говорит. – Посмотри, как он мне улыбается.

Смотрю на ребенка. Он не улыбается и уже никогда не улыбнется.

Он мертв. Гэйнор этого не понимает. Боже!

– Он всегда меня узнает. – с улыбкой, склонив голову набок, говорит Гэйнор.

– Давай. – произносит Дельгадо-старший, и Рэйлан тут же тащит меня на стол. Начинаю брыкаться как дикая кошка. Изворачиваюсь, кусаюсь, пинаюсь и царапаюсь, но всё же оказываюсь прикованной к столу. Руки и ноги раскиданы в разные стороны и закреплены кожаными ремнями.

– Что вы делаете?! – кричу я до хрипа.

Лицо Дельгадо-старшего возникает передо мной.

– Девочка моя, нам нужно только взять немного костного мозга.

– Может с наркозом? – предлагает Дэвид.

Да.

– Нет. – Дельгадо-старший отрицательно качает головой. – К сожалению, проверка на Джервисе показала, что наркоз калечит клетки, которые способствуют регенерации. – старик гладит меня по лицу, словно я собака, которую нужно усыпить, но жалко. – Она сильная девочка, потерпит.

– Не сильная! – кричу я.

Пока я продолжаю биться в истерике, ко мне подключают какой-то аппарат, капельницы и ставят укол в вену. Я продолжаю сражаться с путами, но, кажется, они ещё сильнее затягиваются на моих конечностях.

– Что это? – спрашиваю, смотря на иглу в вене.

– Витаминка. – говорит Дэвид.

– Начнем. – отдает приказ Дельгадо-старший. Наклоняется надо мной и говорит. – Джорджина, сейчас тебе лучше не шевелиться, мы перевернем тебя и сделаем два прокола в тазовой кости. Возьмем две пробы и сразу же увидим действие клеток на фоне общего забора биоматериала.

Я ничего не могу говорить. Я онемела. Чувствую, как вокруг талии пробрасывают очередную ремень и крепко привязывают меня, а потом неожиданно кровать-ужас переворачивается вместе со мной, и я оказываюсь лицом перед чашами. Страх настолько сильный, что я могу потерять сознание. Хоть бы я потеряла его. Прямо сейчас. Меня начинает лихорадить. Мою футболку поднимают выше, оставляя прикрытой только грудь, и неожиданный укол в поясницу прорывает мой голос.

Я кричу!

– Всё-всё-всё. – успокаивает старик. – Потерпи немного.

Резкая волна боли вышибает душу из тела, в глазах темнеет, и я снова кричу.

– Ну как? – спрашивает Дельгадо-старший, достав иглу у меня из нижней части спины.

– Они живее, чем у Джервиса, но в момент, когда мы её поймали, клетки были более сильными. – отвечает Дэвид.

Перевожу дыхание и молюсь, чтобы всё прекратилось. Не думала, что это так больно.

– У меня есть идея. – говорит Ублюдок-старший. – Переворачиваем её.

И меня, словно свинью на вертеле, возвращают в исходное положение. Не могу сфокусировать взгляд на чем-то одном. Передо мной мелькают люди в масках и белых халатах.

Боль в месте, где был прокол становится меньше, и только я начинаю успокаиваться, как Дельгадо-старший говорит:

– Рэйлан, будь добр, активируй подопытному триста тринадцать участков мозга, отвечающий за болевые ощущения.

Рэй подходит ко мне и кладет руки по обе стороны от моего лица. Верчу головой из стороны в сторону. Живые тиски не позволяют шевелиться.

– Рэй, нет. – прошу я, уже зная, что сейчас испытаю.

– Дэвид,ними с неё браслет. – приказывает старик.

Украшение пропадает, и звуки тут же становятся настолько громкими, что голова начинает кружиться. Слышу, как Гэйнор кудахчет над капсулой с мертвым сыном, как чьи-то ноги мнутя возле меня, как хлюпает носом Джудит, я даже слышу, как моя кровь со спины по капле падает в металлическую чашу подо мной. И я слышу, как кожа Рэя нагревается с легким потрескиванием.

Меня прошибает агония.

– Не-е-е-ет! Прекратите! Рэй! Нет!

Но меня никто не слушает. Боль распространяется по всему телу, и оно начинает биться в конвульсиях, перед глазами плывет, и я молюсь о потере сознания, но оно не желает покидать меня. Ловлю взгляд Рэя, который устремлен прямо в мои глаза и, еле разлепляя губы, произношу:

– Прекрати.

Но он не прекращает.

– Пожалуйста, прекрати.

Здесь слишком много народу, но людей среди них нет.

За мгновение до потери сознания, руки Рэйлана пропадают, и меня снова переворачивают. Голова безвольно свисает вниз.

Этот укол я практически не чувствую. Слезы падают на белый кафель и рассыпаются на множество мельчайших субстанций. Глаза до безумия медленно закрываются и открываются. Я не могу потерять сознание, мне нужно узнать код от двери. Как я могла об этом забыть? Наверное, боль может заставить забыть о чем угодно.

Меня снова переворачивают, и я вижу довольные лица отца и сына. Они немного искажены, но я понимаю, чьи физиономии мелькают передо мной.

– Нужно ещё. – говорит Дэвид, его глаза лихорадочно блестят, но Дельгадо-старший отрицательно качает головой и поясняет.

– Ей нужно восстановиться, спинной мозг, как и любой биоматериал, имеет свойство заканчиваться. А нам это ни к чему.

– Вы что-нибудь сделаете с моим мальчиком? Почему он спит?

Поворачиваю голову набок (сильно сказано "поворачиваю", голова сама падает в нужном мне направлении) и наблюдаю, как Дельгадо-старший подходит к мамаше, которая сошла с ума, и говорит:

– Мы вернем его тебе, но одной Джорджины нам мало, через пару дней мы проведем опыт уже с двумя Чистыми, и тогда ты снова сможешь прижать к груди своего мальчика.

– Вы сумасшедшие. Ребенок мертв. Его уже не вернуть. – выталкивая из себя слова, зачем-то пытаюсь доказать им банальную вещь. Они не Боги, но, к сожалению, возомнив себя ими, безумцы не в состоянии остановиться.

– Не говори так! – кричит Гэйнор, а я начинаю терять связь с реальностью.

Дальше группа чокнутых ведет какой-то разговор, но я не слушаю их. Не могу сконцентрироваться даже тогда, когда Рэй поднимает меня на руки и уносит вон из этого места. Я так и не могу сфокусироваться ни на чем, в красном коридоре, в лифте и в белом коридоре, но, когда мы подходим к двери моей камеры, я собираю всю силу в кулак и наблюдаю, как Рэй

достает пульт, прикладывает палец и набирает код, но вот в чем проблема. Он набирает не те цифры, что были в прошлый раз.

Каждый раз новый код.

Лавина безысходности уносит меня в темноту, и только одна мысль остается в голове, прошибая меня барабанной дробью, – живой мне отсюда никогда не выбраться. Ни-ког-да.

Глава шестая

Самый большой в мире молот неустанно колотит по моей голове. Тот, кто держит эту самую кувалду, очень старается, прилагает максимум усилий. Если у вас когда-то была мигрень, то вы можете прочувствовать этот молот примерно на десять процентов из тысячи.

Боль адская, но я не могу даже закричать. Нет сил.

Так проходит регенерация моего мозга, поджаренного Рэем?

Рэй.

Рэйлан Бейкер.

Нет ничего хуже, когда по ту сторону от тебя находится любимый человек. Он за белых, я за черных. Он за ночь, я за день. Мы противники.

Он... против... меня.

– Джо. Очнись уже. – голос Гаррета кажется таким близким, словно он говорит мне в самое ухо. – Сколько можно спать?

Открываю глаза, но тут же закрываю обратно, тихо мыча от боли. Со второй попытки, очень медленно, миллиметр за миллиметром поднимаю веки. Гаррет действительно близко. Лежим на боку лицом к лицу. В его взгляде я вижу беспокойство. Мне непривычно видеть Гаррета таким.

– Ты ужин пропустила. – говорит он, и мои губы без моего согласия образуют улыбку. Слабую, хилую, еле живую улыбку. – Что они с тобой делали?

Не хочу вспоминать то, что они делали, и говорю о том, что шокировало меня больше всего:

– У них там ребенок мертвый.

– Что? Чей? Где там?

Поднимаю руку и прикасаюсь к стеклу, давая понять Гаррету, чтобы он задавал вопросы по очереди, но он не так понимает мой жест, и сказать об этом я не смею. В одну секунду его взгляд становится странным, он тоже поднимает руку и прикасается к стеклу в том же месте, где покоится моя ладонь.

– Я вроде как... рядом. – говорит он и немного хмурит брови. Произносил ли Гаррет Уорд когда-то подобные слова? Судя по замешательству на его лице – нет.

– Ты за стеклом. – шепчу я.

– Нет. – продолжает с нажимом и более уверенно, словно взвесив каждое слово. – Я. Рядом.

– Спасибо. – его слова зажигают внутри меня маленький огонёк. Но его вполне достаточно, чтобы понять – я не одна. Но вместе с этим теплом приходит внутренний раздрай. – Как думаешь, мы выберемся отсюда? – спрашиваю я, скорее всего, желая, услышать утвердительный ответ, но это же Гаррет.

– Скорее всего нет.

– Ты не успокаиваешь.

– Если хочешь ложь, я могу и солгать, но не вижу в этом смысла. У нас по-прежнему нет никакой ценной информации. Мы даже не знаем, где примерно находимся.

– Код. Тот, что я записывала, он нам не поможет. В этот раз Рэй набирал другой, видимо, они его меняют каждый раз, когда открывается дверь.

– Возможно.

Опускаю взгляд на наши руки, которые по-прежнему находятся на стекле. Мне кажется, что я чувствую тепло от руки Гаррета, но сил держать руку в таком положении больше нет, я плавно убираю её и, опустив на кровать, говорю:

– Помнишь, когда мы были на Корву, по новостям показывали женщину, сестру баллотиремого в президенты Ростина Бэя?

Гаррет хмурится ещё сильнее и выдает:

– Гэйнор что ли?

– Ты её знаешь?

– Не лично, но да, знаю.

Не могу сказать, что я очень удивлена тому, что Гаррет знает всех чокнутых на планете Земля.

– Так вот, на красном этаже, находится комната, что-то типа операционной, там в капсуле лежит её мертвый ребенок. И, кажется, в его смерти она винит меня. Они брали мой костный мозг и что-то делали. Я не знаю, что именно, но...

– Что "но"?

– Думаю, они возомнили себя Викторами Франкенштейнами.

Наступает тишина. И буквально через десять секунд мы начинаем обсуждать бредовый бред.

– Они хотят оживить мертвое? – не веря, спрашивает Гаррет.

– Не вижу смысла держать мертвого ребенка и ловить меня и Джервиса из-за того, что наша регенерация намного выше, чем у обычного человека.

– Но если ребенок мертв, то какая регенерация может его оживить? Это же херь собачья.

– Я не знаю. Думаю, никакая. Но Дельгадо-старший сказал, что через пару дней они попробуют новый опыт. Со мной и Джервисом одновременно.

– Твою мать! Надо что-то делать.

– Я не представляю, что мы можем сделать. – переваливаюсь на спину и, смотря в потолок, продолжаю разговаривать с Гарретом. – Есть ещё черный уровень, на нём я ещё не бывала, может выход именно там. Как думаешь?

Не получив ответа, смотрю на Гаррета – он спит.

Отменный я, видать, собеседник. Пять дней бодрствования подошли к концу, и он вырубился. Это всегда происходит неожиданно, с самого первого раза, когда он упал прямо в лужу и его не смутило, что он храпел в воду и чуть не захлебнулся.

Тишина давит на нервы. Сажусь на кровати, морщась от неутихающего молота в моей голове. И первое, что замечая – Рэя нет. Возле моей камеры нет сопровождающего. Интересно, а всем сопровождающим прочистили мозги? Или есть те, кто добровольно ведут подопытных на казнь?

Спустя пару часов молот наконец-то успокаивается, а к камере подходит чертова Джудит.

– Коди, будешь сопровождать триста двенадцать. – приказывает она, но делает это, как всегда, без должной уверенности.

Парень без раздумий подходит к моей камере и открывает её пультом. Так, стоп! Погодите! Получается один пульт способен открыть любую камеру? А как он узнал код? Он один для всех дверей? От новых догадок мозг начинает работать с удвоенной силой. Я ещё слишком многого не знаю. В любом случае, ведь всегда есть лазейка. Всё предусмотреть невозможно. Всегда что-то может пойти не так. Нужно быть внимательной к мелочам.

– Ты можешь идти или тебе нужна коляска? – спрашивает Джудит, стоя у самого выхода, по правую руку от Коди.

Встаю молча, и, медленней чем следует, иду к двери.

– Где Рэй? – спрашиваю я.

– Я не могу этого сказать. – тут же отвечает она, словно ожидала моего вопроса.

– Куда я иду? На очередные опыты?

Девушка отводит взгляд в сторону и говорит:

– Нет, ты пропустила прием пищи, а она сейчас тебе необходима.

– Не без твоего участия я пропустила прием пищи. – говорю это и чувствую, как слова пропитаны ядом. – И ни еда мне необходима, а свобода.

– Я сожалею. – говорит она, и теперь я бросаю на неё недоуменный взгляд. – После того как поешь, я приду и проверю твоё самочувствие. – переводит взгляд на Коди. – Будь аккуратным, она слишком слаба.

Получается, я отлично играю свою роль. Девушка торопливо уходит, а я иду в сопровождении Коди. Движемся медленно, и я позволяю себе рассмотреть всех, кто сейчас находится в камерах, жаль, что мы идем в другую сторону от Джервиса, увидеть ещё одно знакомое лицо не помешало бы моему боевому духу, который, к слову говоря, сейчас переживает не лучшие времена. Дойдя до столовой, нахожу своё место и сажусь, не торопясь ем и думаю о том, как мне выбраться. Я не согласна с Гарретом, что нам это не удастся. Мы и из худшего выпутывались. Так ведь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.